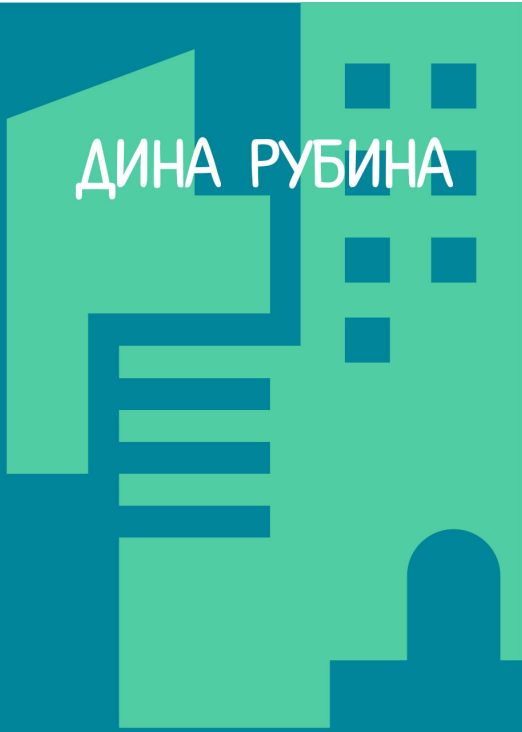
ДИНА РУБИНА



ДЖАЗ-БАНД НА КАРЛОВОМ МОСТУ

Дина Ильинична Рубина
Джаз-банд на Карловом мосту

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163742
Джаз-банд на Карловом мосту: Эксмо; М.; 2021
ISBN 978-5-04-146213-0

Аннотация

Довольно часто я размышляю о возникновении феномена мифа в сознании, в чувствовании человечества. Знаменитые сюжеты, исторические личности, произведения искусства, города могут взнестись до сакральных высот мифа или остаться в ряду накопленных человечеством земных сокровищ.

Вот Лондон – огромный, имперской славы город.

Париж – чарующий, волшебный сон!

Нью-Йорк – гудящий Вавилон, законодатель мод…

Иерусалим – миф.

Миф сокровенный.

Дина Рубина
Джаз-банд на Карловом мосту

На пражских улицах лукавое еврейство
меня видало в адских детских снах,
где жизнь исполнена томительной надежды,
лыжня небес блестит передо мной.
Верни меня и преданно и нежно
держать дитя над мертвою толпой.

Анна Горенко

Прага одухотворена более, чем любая другая столица Европы, возможно, потому, что населена не только людьми.

…Загадочную вольную жизнь ангелов, святых и покровителей церквей и соборов – всех тех, кто венчает пражские крыши, карнизы, порталы, аттики и фасады зданий, – обнаруживаешь не сразу. Эта приветливая компания апостолов и мучеников, дам и галантных кавалеров мушкетерского вида, таинственных фигур в сутанах и королевских мантиях открывается неожиданно, едва ты поднимаешь голову к небу на первые капли дождя, чтобы определить – не пора ли доставать зонтик. И тогда над тобою распахивается неведомая и обаятельная жизнь обитателей высот. Они парят где-то там, над головами проходящих внизу туристов, – святые

Войцехи и Сигизмунды, короли Карлы, Рудольфы, Вацлавы… Их далекие каменные улыбки, раскинутые крыла, зажатые в кулаках жезлы и шпаги пригласительно и зазывно летят в пространствах разновысоких крыш.

Если бы все они ожили в одночасье, задвигались, заговорили, – о, какая шумная, бурливая жизнь, какие страсти, хохот и стоны, речитатив и торжественный хорал разнеслись бы над крышами!

Вышним голосам этой горней жизни вторили бы улюлюканье, кряхтение, свист и песни причудливой жизни пражских марионеток – всей этой болотной нечисти, развешанной под потолками и на дверях бесчисленных лавок. На Карловом мосту вы пройдете зараз мимо пяти разноумелых ловцов, под музыку магнитофона ведущих в сетях нитей, свисающих с крестовины, шутов, королей, хасидов, крестьян и барышень в шляпках, колдунов и ведьм на метлах…

* * *

В первый же день на мосту Легионов нас взяла на абордаж маленькая разбойная команда прогулочного ботика: две девочки лет по шестнадцати, одетые в матроски, зазывали туристов на речную прогулку. Расписывая все выгоды путешествия, особенно напирали на то, что при отплытии каждому будет выдана кружка пива. Мы растерялись, притормозили свой туристический бег, замечтались, подыскивая нуж-

ные слова, и через мгновение были затащены по совершенно деревенской обрывистой тропке под мост, к дощатой пристани, откуда через пять минут и должен был пуститься по Влтаве ботик под темно-зеленым тентом. Забравшись под тент, мы уселись на деревянные скамьи, и вскоре юные русалки, сияя торжеством, притащили еще добычу – зазевавшегося японца… Нас было уже четверо, и мы принялись тихо роптать, поэтому, когда по тропинке сверху на пристань скатились два краснолицых пузатых немца, капитан верно рассудил, что дальше ждать рискованно, и – отдал швартовы.

Лет девятнадцати-двадцати, он был похож на гимназиста старших классов на каникулах. Над выгоревшей тельняшкой поршнем гулял кадык на длинной шее, украшенной голубыми бусами.

– Я дам вам пива у Карлова моста, – объявил он, и действительно, когда проходили под Карловым мостом, ботик, замедлив ход, но не останавливаясь, притерся к плоту, на котором в глубокой, переливчатой от сине-зеленых бликов тени стоял такой же гимназист с подносом в руках, переминаясь и озираясь во тьме. За три секунды произведено было торопливое вручение подноса с бокалами пива, ботик затарахтел дальше и вынырнул из-под моста на простор речной волны.

Наш капитан совмещал обязанности гида со своим прямым судоходным занятием. С самого начала осведомился, на каком языке вести экскурсию, и, выяснив, что языков,

по крайней мере, три – английский, русский и немецкий, – честно переводил каждую фразу трижды. Спасало положение только то, что за всю экскурсию он, собственно, и произнес всего несколько фраз. Мотор настойчиво тарахтел, капитан, переложив румпель, или как там это называется, бросался на середину ботика, громко объявляя лично мне что-нибудь такое: «Там, на гора, это есть наш парламент!», тыча пальцем в объект, переводил это на английский и немецкий и вновь устремлялся назад, к корме. Лицо его блестело от пота, тельняшка колыхалась на тощем животе, кадык судорожно дергался над голубыми бусами.

– Вон та, с высокий башня, это есть Градчаны!

Подозреваю, что этот прогулочный бизнес не был зарегистрирован в налоговом управлении Праги…

* * *

На заходе солнца черепичная короста пражских крыш становится пурпурной. Змеиная чешуя Влтавы медленно вползает под каменные аркады мостов, на Староместской площади расцветают гроздья круглых фонарей, оживают большеголовые, как оловянные солдатики в кокардах, фонари на Карловом мосту и, навесные, тяжелые – в улочках и переулках, – затепливаются топленым восковым светом…

В этот час надо оказаться в Йозефове – старом еврейском

гетто, где-нибудь в районе Майзелевой улицы, пойти по направлению к Старо-новой синагоге. И дождаться, когда поток туристов иссякнет. Лучше бы пошел дождь, загоняя их в бары и отели…

Тогда становится слышна протяжная тишина давно умерших звуков, сложная тишина погасшего хохота, оживленного шепота влюбленных, шелеста юбок, поскрипывания башмаков и сандалий, монотонного распева молитв, звонких детских окриков, трубного гласа глашатая средневековой общины: «Слу-у-у-шайте, любезные ребоса-ай!!!» – тихий стон времен, выдох уставшего Бога, легкое покашливание небес, изошедших пеплом…

Что осталось от пражской еврейской общины, от этой тысячелетней бурливой жизни, от всех этих женщин и мужчин, невест, учеников ешив, благочестивых раввинов и благотворителей-богачей; что осталось от сапожников, портных, белошвеек, мясников?.. (Тех самых мясников, которые еще в XII веке, при короле Владиславе, одолели – с ножом в одной руке и горящим факелом в другой – напавших на еврейский город раскольников-флагеллантов, изгнали их за пределы города и за мужество удостоились награды: король разрешил внести в герб еврейской общины чешского льва о двух хвостах.)

Старинное еврейское кладбище – странный заброшенный город, по плотности обитателей на одну могилу превзошедший все известные в мире примеры, – надгробные плиты

как покосившиеся скрижали Завета, окаменевшие страницы книг. Кажется, что плиты не воткнуты в землю, а, вспоров ее покровы, вкривь и вкось выросли из недр могил. Когда – в час явления Спасителя – вся эта могучая мертвая толпа повалит из тесных недр на свет божий, что за великая армия отмщения встанет за плечами моего народа! Пока же Спаситель медлит, этот безмолвный город – всего лишь полный очарования старины памятник истории…

* * *

Не странно ли, что самыми поэтичными и сакральными символами Праги (и источниками торговли, кстати) являются два еврея – Франц Кафка и рабби Лёв, и оба при жизни находились с нею в натянутых, мягко говоря, отношениях.

Легендарный средневековый раввин Иегуда Лёв Бен-Бецалель, известный еще под именем Магарал из Праги, – праведник, каббалист и мудрец, заступник еврейской общины перед властителями Чехии, из глины сотворил своего Голема – первого в мире робота, – чтобы тот охранял общину от коварных соседей, то и дело норовящих протащить в еврейский город мертвое тело христианина, дабы в очередной раз обвинить евреев в ритуальном использовании христианской крови.

Кафка же…

Прямо на стекле входной двери дома номер пять по ули-

це «У Ратуши» написано на иврите: «Здесь родился Франц Кафка».

Однажды, незадолго до смерти, он сказал своему учителю иврита Фридриху Тибергеру, глядя в окно: «Вон там была моя гимназия, на другой стороне улицы – университет, а чуть левее – контора, где я служил… В этом маленьком круге, – и обрисовал пальцем в воздухе, – заключена вся моя жизнь…»

В 1902 году он пишет другу и соученику Оскару Поллаку: «Прага не отпустит нас обоих. У этой мамочки острые когти. Только подпалив ее с двух сторон – на Вышеграде и Градчанах, – можно было бы спастись, бежав без оглядки».

* * *

…Утром на Градчанах, в сувенирной лавке Музея искусств, какой-то рыжий в кепке – зубы вперед и вразброс – спросил у моей дочери Евы что-то по-английски, кивая на Бориса. Оказывается, тот напомнил ему друга из Израиля. Ева сказала, что мы тоже из Израиля. Он оживился, стал объяснять, что живет в Чикаго, сопровождает в деловой поездке своего босса, очень важного господина, известного архитектора, генерального директора международной дизайнерской фирмы, лауреата национальных премий…

Я, подойдя ближе, что-то сказала Еве по-русски – он воскликнул, улыбаясь:

– А, так вы из России? – и как-то расслабился, приспустил штандарты.

Мы перекинулись еще парой слов, уже на родном языке. И он сказал:

– Ну, я пойду, а то босс, сука, подымет хай…

Так вот, тем утром на Градчанах, в сувенирной лавке Музея искусств, я купила две книги о Кафке: одну, прекрасно переведенную и элегантно изданную, – Макса Брода, друга и биографа писателя; другую – изданную местным издательством, хозяева которого, очевидно, решили, что из-за близости двух славянских языков текст Гаральда Салфеллнера вообще не нуждается в переводе.

Едва бросив взгляд на глянцевую обложку и прочтя: «Кафка был Прага, и Прага была Кафка. Прага никогда не была собой так совершенно и типично, как при жизни Кафки», – я застонала от восторга и немедленно купила этот дивный сувенир. Он действительно таил внутри много чудес.

В тот же день мы уехали в Карловы Вары.

* * *

Лесистое ущелье божественной красоты – клены, сосны, буки, каштаны, дубы и ясени, – по дну которого протекает речка Тепла, вся бурлящая горячими источниками, – это и есть Карловы Вары.

По берегам речки, по дну ущелья протянулись несколько

улиц бисквитных, сахарно-кремовых на вид домов, а также костелы, церкви и разнообразные памятники всем великим, кто пил здесь воды (а пили их все – от Карла IV и Петра I до голливудских кинозвезд последнего заплыва).

Вверх поднимаются скалы, поросшие почти отвесным лесом, тропинки которого протоптали десятки гениев. Их именные маршруты так и называются: «стежка Гёте», «стежка Шиллера». В хвое и кипучей листве там и тут выглядывают островерхие крыши открыточно-глянцевых вилл. Тишина остановившегося, как бы утонувшего в ущелье времени такая, что наверху слышен шорох колес проезжающих внизу автобусов и машин.

Улица, выстланная по дну ущелья, разрезана солнцем вдоль – одна сторона выбелена и ослеплена резким горным светом, другая спит в глубокой тени. Мостовая – кубическая брусчатка из того же местного известняка. И с утра до ночи вдоль террас летних кафе и ресторанов снуют пролетки, управляемые опереточными кучерами, и пересыпается звонкий цокот копыт – почти ушедшая из звуковой среды обитания человечества музыка…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.